

Но член Бань Цзюня не показывал никаких признаков усталости, его неумолимая сила и ритм, казалось, высасывали всю энергию из Сяо Цзяна. Сяо Цзян бесчисленное количество раз пытался схватить руку, крепко державшую его за талию, чтобы освободиться из этой полностью пассивной позы, но Бань Цзюнь схватил его руки и зафиксировал их за спиной, заставляя его двигаться вперёд с каждым толчком, а затем отступить назад с каждым выходом члена.

Жгучая боль в заднем проходе притупилась, отверстие полностью раскрылось. Рука Бань Цзюня обхватила его живот, а горячая и влажная грудь прижалась к спине Сяо Цзяна.

Сяо Цзян снова возбуждился, его полумягкий пенис оказался в руке Бань Цзюня, который играл с ним. Грубая ладонь терла край головки, заставляя Сяо Цзяна оставаться твёрдым и требуя от него более жидкой, чем в первый раз, спермы.

Стоны превратились в крики, а крики — в хриплое дыхание. Сяо Цзян уже не мог разобрать, была ли влага на простыне потом, слезами или его собственными выделениями, которые вот-вот снова покроют её липким слоем.

И Бань Цзюнь, наконец, в изнеможении вошёл в него, и после того, как Сяо Цзян снова кончил, он принял его оргазм, поддерживая его ослабевшее тело.

Они продолжали целоваться с ненасытностью, словно звери, наслаждающиеся моментом покоя после схватки. Поцелуи были лишены уходящего желания, вместо этого в них было больше привязанности и усталости.

Наконец, Бань Цзюнь выскользнул из тела Сяо Цзяна, опёрся на руки рядом с его головой и посмотрел вниз на Сяо Цзяна, у которого краснота вокруг глаз от боли начала спадать.

Его пальцы снова коснулись отверстия, которое слегка приоткрылось, словно напоминая Бань Цзюню о его слишком сильном захвате и полном обладании.

Волосы и одежда Сяо Цзяна были в полном беспорядке, он выглядел так, будто его выбросили из трущоб, раздев до гола. Его халат даже не был полностью снят, когда они поспешно занялись любовью. Следы поцелуев, немного крови и больше липкой жидкости остались на светло-голубом халате.

Бань Цзюнь потянул за край одежды, а Сяо Цзян поднял руку, чтобы тот помог ему застегнуть воротник, закрыв грудь.

— Как ощущения? — первым спросил Сяо Цзян, проводя рукой по шее Бань Цзюня и кладя её на его плечо.

Угасшее желание вернуло Бань Цзюню спокойствие. Он тихо сказал:

— Очень хорошо. Давно... не чувствовал такого удовлетворения.

Сяо Цзян улыбнулся.

— Твой комплимент не к месту.

Но улыбка постепенно стала глубже, превратившись в более смутное чувство. Сяо Цзян жаждал этого объятия, твёрдая грудь и коричневая кожа Бань Цюня, казалось, давали ему неопишное желание, но Сяо Цзян не сказал этого, он лишь произнёс:

— Хорошо, что всё прошло хорошо.

— А ты... ты доволен? — спросил Бань Цюнь.

Он представлял эту сцену бесчисленное количество раз, но теперь, когда он кончил внутри Сяо Цзяна, он почувствовал тревогу.

— Больно, очень больно, — сказал Сяо Цзян, его пальцы снова нашли шрам под татуировкой на груди Бань Цюня. — Как будто шило воткнули в промежность или горячий прут проткнул насквозь.

Бань Цюнь почувствовал вину. Возможно, он слишком жаждал этого тела, чтобы думать о ритме, но он не успел извиниться, как Сяо Цзян добавил:

— Но ничего.

— Будет ещё раз? — снова спросил Бань Цюнь.

— Если ты захочешь, — ответил Сяо Цзян, но добавил:

— Конечно, я не буду вмешиваться в твою личную жизнь, если ты захочешь развлечься где-то ещё. Это просто... ты знаешь, я не вмешиваюсь в личные дела подчинённых.

Бань Цюнь не понял этого уточнения.

Поэтому он просто улыбнулся и встал, чтобы уйти. Напоминание Сяо Цзяна о его статусе заставило его вспомнить, что он всё же должен спать в охране. Он не хотел, чтобы Сяо Цзян подумал, что он зазнался, но только он поднялся, как Сяо Цзян схватил его за запястье.

— Не уходи.

Произнося это, Сяо Цзян сам удивился. Как давно он не позволял кому-то оставаться с ним на ночь? Даже с партнёрами он никогда не оставался до утра, но...

— Не уходи.

Ему нравился Бань Цзюнь.

Он действительно не был его типом.

Но он ему очень нравился.

Бань Цзюнь проснулся позже Сяо Цзяна.

Когда он открыл глаза, Сяо Цзян уже разговаривал по телефону на балконе. На нём всё ещё был тот же халат, и казалось, что он только начал умываться. Волосы были мокрыми и блестели на солнце.

Бань Цзюнь быстро зашёл в ванную, умылся и вернулся как раз в тот момент, когда Сяо Цзян вошёл в комнату. Он положил телефон на стол и взял пепельницу. Бань Цзюнь быстро достал зажигалку и зажёл сигарету Сяо Цзяну.

Сяо Цзян снова стал холодным и отстранённым, он даже не поздоровался, а сразу сказал:

— В порту пожар, это сделали люди из Северной общины Страны Волков.

Как уже говорилось, в городе Гуми три порта и четыре трущобы. Восточный и западный районы были под контролем Сяо Цзяна, и люди там вели себя сносно. Когда приходил груз, они помогали разгружать и собирать его, а затем он поступал на рынок, став частью логистической линии Сяо Цзяна. Но северный и южный районы он взять не мог, потому что там жили люди Страны Волков.

В Южной общине была зона красных фонарей, куда полиция не могла войти, но и управлять там было нечем. Обычно беспорядки оставались внутри трущоб и не выходили за пределы, не затрагивая людей Усяо. Однако Северная община была другой. Там не было порта и зоны красных фонарей, и выживать было очень сложно. Не только в городе Гуми, но и во всём Усяо именно такие люди обеспечивали уровень преступности.

Грабежи и погромы были их повседневной работой, поэтому не только в Северной общине не было людей Усяо, но и вокруг неё не было их магазинов, ведь если бы они открылись, их бы обложили такими налогами, что они бы разорились и ушли.

Правительство не раз пыталось очистить этот район, но люди Страны Волков не поддавались

ни на уговоры, ни на угрозы. Они не принимали помощь, а если им нужно было поесть, они просто выходили и грабили. Из-за высокой стоимости вмешательства, несколько столкновений с полицией заканчивались кровопролитием, и в итоге местные власти перестали вмешиваться, позволив людям Страны Волков самим управлять собой.

К настоящему моменту они даже построили там арену для звериных боёв. Жители Гуми знали, что это было их собственное королевство в городе.

А теперь, когда порты были закрыты, экономика всего города Гуми пострадала, и они просто вышли, объединившись с людьми из Южной общины, чтобы грабить порты, как пираты на суше.

Иногда груз только выгружали, как люди Страны Волков уже забирали большую его часть.

Люди Усяо не могли справиться с ними, поэтому Восточная и Западная общины тоже страдали, ведь если груз забирали, люди Сяо Цзяна лишали их премий.

Это место считалось хорошо управляемым с точки зрения бандитских группировок, но всегда с оговоркой — за исключением людей Страны Волков.

Старина Су тоже пытался договориться с людьми Северной общины, но его остановили. Он, вероятно, был слишком нетерпелив, вежливо принося им вещи, чтобы они выслушали его, предлагая работу и стабильный доход, но люди Страны Волков не только не слушали, но даже не давали ему закончить речь, выгоняя его.

Су Цюн ходил туда несколько раз, и каждый раз его встречали одинаково. Однажды его остановили на полпути и сказали: «Возвращайся, парень, это место не для тебя. С твоей нежной кожей волки тебя съедят без остатка».

Су Цюн не мог вынести такого оскорбления, особенно под постоянным давлением Сяо Цзяна. Когда он снова вошёл в Северную общину и, не успев закончить речь, получил в лицо капустный лист, он не выдержал, вытащил пистолет и застрелил старушку, бросившую в него лист.

После этого он едва смог выбраться из Северной общины.

Когда он говорил, люди просто ругались и бросали в него овощи, говоря, чтобы он не пытался их обмануть и эксплуатировать. Но когда на человеке появилась кровавая рана, кто-то крикнул ругательство, и горящая бутылка полетела в Су Цюна.

Затем люди Страны Волков бросились на него, и даже несмотря на то, что у Су Цюна были пистолеты, он не мог справиться с толпой. Днём в Северной общине раздавались ругательства и выстрелы, а после этого Су Цюн больше туда не возвращался.

На его шее остался шрам от ожога и пореза стеклом.

<http://bllate.org/book/15264/1347054>